

RU

Парадиз мира детства

Попкова Т. Д.

Аннотация. Цель исследования – раскрыть эвдемонистический аспект детства как особого социокультурного явления. В статье рассматриваются основные характеристики парадиза мира детства, проявляемые в трех сферах бытия ребенка: идеальном мире природы; ментальной направленности сознания; его личном пространстве – инореальности. Научная новизна исследования заключается во введении в философско-культурологический тезаурус понятия «парадиз», рассматриваемого в качестве способа конструирования мира детства, раскрывающего его аксиологические и экзистенциальные аспекты, а также анализе литературных интерпретаций изображения этого явления. Исследование позволило выявить базовые основания существования «личного парадиза» ребенка как феномена культурно-исторического континуума.

EN

Heavenly World of Childhood

Popkova T. D.

Abstract. The paper aims to reveal the eudemonistic aspect of childhood as a special sociocultural phenomenon. The article examines the basic parameters of the child's world, which manifest themselves in three spheres of the child's existence: ideal world of nature; realm of consciousness; the child's personal space – the other reality. Scientific originality of the study lies in the fact that the author analyses literary interpretations of the childhood phenomenon and introduces the notion “paradise”, which is considered as an axiological and existential component of the child's world, into philosophical and culturological discourse. The conducted research allows identifying essential foundations of the child's “personal paradise” as a cultural and historical phenomenon.

Введение

Каждый человек проходит путь взросления – в соответствии с собственным сценарием жизни, сохраняя свою эвдемонистическую предназначенность или – под давлением социума – растрчивая ее. Ребенок обладает потенциальной способностью, которую взрослые люди обычно утрачивают, – умением спонтанно погружаться в *субъективно идеальный мир*, необходимый им для душевного равновесия.

Двунаправленный процесс «познавая мир – познаешь себя; познавая себя – узнаешь мир» протекает в жизни ребенка на протяжении периода, в течение которого он встречается с разнообразными жизненными событиями. Оглядываясь на свое детство, люди начинают осознавать разницу между взрослыми и детьми: первые во всем ищут счастье, а вторые его везде находят.

Актуальность темы исследования. Поводом обращения к понятию «парадиз мира детства» послужило несколько причин: факт идеализации рефлексирующим сознанием человека памяти о собственном детстве; отсутствие описания эвдемонистических феноменов мира детства в культурологическом контексте.

Существующие стереотипные представления о детстве (характерные как для научного, так и обыденного мировоззрения) в настоящее время подвергаются критическому переосмыслению. Эта возросшая востребованность понимания детства как явления *прогностического* порядка демонстрирует, что представления о мире детства и о ребенке, сформировавшиеся в течение XIX–XX вв., в настоящее время оказываются явно недостаточными, поскольку раскрывают только самые общие основы этого феномена. По существу, интерес, проявляемый современной наукой к ребенку, детству и миру детства как объектам исследования, только начал формироваться.

Мир детства – это вневременное пространство детского сообщества, неформально объединяющее каждое новое поколение детей. Этот мир не имеет территориальных границ и языковых барьеров и является самоорганизующейся системой, не подлежащей управлению – как внешне, так и изнутри; он обусловлен особой

субкультурой и имеет информационно-предметную основу, поскольку связь между его носителями осуществляется посредством общения его субъектов (детей). Мир детства автономен от мира взрослых, но одновременно и связан с ним, каждый из миров инициирует изменение в другом, а события, происходящие в одном мире, воздействуют на другой. Этот мир – часть социального универсума, которую необходимо изучать и исследовать с целью прогностического определения судьбы человечества.

В исследовании были поставлены задачи:

- обоснование способов конструирования мира детства как особых форм самопрезентации детства;
- введение термина «парадиз мира детства» в философско-культурологический тезаурус исследования мира детства;
- раскрытие содержания «сфер» функционирования парадиза мира детства: идеального мира природы; ментальной направленности сознания; личного пространства – инореальности – и их проявлений в бытии ребенка.

Задачи решаются на материале произведений мировой литературы.

Методы исследования. Основным методологическим подходом, реализуемым в статье, выступает *феноменологический*, который позволяет выявить и раскрыть смысловое содержание исследуемых явлений и процессов мира детства. Для определения структуры «личного парадиза» ребенка мы применяем *структурно-функциональный* метод. В качестве иллюстративного материала использовались литературные произведения разных жанров и направлений, созданные преимущественно в XIX–XX вв., с этой целью применялся *культурно-контекстуальный* анализ.

Теоретической базой исследования выступают различные области гуманитарного знания, включая прежде всего культурологию, философскую антропологию, филологию.

Исследуя феномен существования парадиза в мире детства, мы используем в качестве аргументов философско-культурологические обоснования, а также возникающие в сознании детей образы, описанные в художественной литературе. Художественное воспроизведение мира детства стало одной из основных целей литературы XIX–XX вв., стремящейся раскрыть внутренний мир героя, обратившись к изображению детства как важнейшему способу объяснения последующей жизни человека.

Практическая значимость работы заключается в переосмыслении аксиологического аспекта мира детства, что позволит изменить представления о детстве как об «инфантильном» и незначительном этапе духовной жизни человека.

Способы конструирования мира детства

Мы предлагаем рассматривать *четыре* основных *способа конструирования* мира детства: «Архитектонику», «Перфоманс», «Инсталляцию» и «Парадиз», – являющиеся формами *самопрезентации* детства. Данные способы конструирования впервые вводятся в философско-культурологическое поле исследования мира детства.

Выбор указанных терминов обусловлен несколькими причинами. Прежде всего, они имеют достаточно широкую культурологическую семантику, поэтому обращение к ним предоставляет большие возможности для раскрытия разных аспектов мира детства; термины воспринимаются как *семантические константы*, не требующие особого разъяснения; каждый термин позволяет показать мир детства как возобновляемый каждым новым поколением этап культурогенеза, что является основой нашего концептуального замысла.

«Архитектоника» – конструирование мира детства в едином концептуальном пространстве. «Перфоманс» – конструирование мира детства посредством умозрительного контекста, отражающего особенности восприятия детьми окружающей действительности. «Инсталляция» – конструирование визуальной композиции мира детства – ориентирована на расширение семантических границ явления и объединяет разнородные научные, художественные и обыденные представления о детстве, детях, ребенке и мире детства [19–21].

В статье рассматривается четвертый способ конструирования мира детства, который мы предлагаем называть «Парадиз», он раскрывает интуитивную *направленность детского сознания на поиск и созидание в своей реальности неких идеалов*.

Истоки слова «парадиз» связаны с иранской мифологией. Впервые слово *pairidaça* обнаруживается в младовестийских и ахеменидских преданиях в качестве обозначения места упокоения и блаженства духа – лучшее из всех мыслимых для *души* человека состояний, указывающее на конечную *цель* человеческой жизни. Древние иранцы представляли *парадиз* в виде охотничьего парка и нередко устраивали в своих владениях роскошные «парадизы», которые ассоциировались ими с беззаботной загробной жизнью.

Включение этого слова в религиозный контекст способствовало тому, что оно стало использоваться для указания на благовоздаяние человеку за соблюдение определенных религиозных правил и сблизилось с образом *рая* (как места, в котором пребывают еще не родившиеся или получившие особые заслуги при жизни души), существовавшим у многих других народов, в результате чего авестийское слово проникло в европейское культурное пространство, где стало обозначать *заповедник, парк, сад* [13]. Подобная интерпретация *парадиза* как «страны блаженства» представлена в «Словаре по мифологии» [14]. В таком значении это слово вошло в современный русский язык, его значение определяется словами «парк», «сад», «рай» [26]; в «Словаре иностранных слов» оно интерпретируется как «счастливая жизнь» или «восхитительная местность» [30].

Несколько иное понимание слова «парадиз» (*paradis*) было приведено в Энциклопедии Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, в которой это понятие соотносилось с обозначением, принятым в романском зодчестве, – как «сени при входе в церковь» между двумя башнями по бокам главного ее фасада [7].

Как можно констатировать, семантика слова «парадиз» в русском языке соотнесена со следующими представлениями:

- обозначение некоего удаленного «прекрасного места», связанного с природой, – идеализированного сада, парка, предполагающего восхищение и любование им со стороны человека;
- место «благости», дающее ощущение блаженства, «успокоения духа»;
- вход в некий «иной» («параллельный») мир, сакральное место, доступ куда открыт одновременно в двух направлениях: в него можно войти и из него можно вернуться обратно в реальность.

Эти представления, связанные со словом «парадиз», положены в основу предложенной нами характеристики парадиза мира детства:

- как сферы связи детей с идеальным миром природы, характеризующим направленность детского сознания *вовне*;
- как сферы *внутренних* ощущений ребёнка, следствие *ментальной* направленности сознания на самого себя, *вовнутрь*;
- как способность детей находить или создавать свое особое *личное пространство* – входить в «иную реальность», навеянную ощущениями тайны и таинства.

В основе предложенной нами характеристики парадиза мира детства находится аксиологическая и экзистенциальная сущность мировосприятия и миропереживания детей. Проявление «*личного парадиза*» в жизни ребенка вызвано потребностью что-либо совершать (или принимать решение что-либо совершить) по *своей воле*, переживаемой как особое ощущение наслаждения, удовольствия, радости, блаженства. Основной особенностью мирочувствования детей является их способность воспринимать мир сердцем – как ощущение своего слияния с природой, как реализацию свободы и творчества. Мирочувствование является истоком человеческой ипостаси, предвосхищая мироосознание – созидательную природу души ребенка.

«Личный парадиз» ребенка предполагает наличие его *противоположности* – «*личной трагедии*» – в тех случаях, когда детям необходимо что-либо выполнять по чужой воле, подчиняясь стороннему *насилию*, которое сопровождается разрушительными эмоциями и чувствами страдания, неудовольствия, горем, гневом. Об этой стороне волеизъявления детей писал М. Монтень: «*Наша душа совершает свои движения под чужим воздействием, следуя и подчиняясь примеру и наставлениям других. Нас до того приучили к помочам, что мы уже не в состоянии обходиться без них. Мы утратили нашу свободу и собственную силу*» [17, с. 61].

В статье мы не будем исследовать трагические стороны мира детства и сосредоточим внимание на эвдемонистических аспектах, рассматривая детей как действующих субъектов, стремящихся к получению счастья.

В литературных произведениях был создан многообразный художественный мир детства, в котором глубокие объективные реалистические картины жизни детей сочетались с воссозданием детского мироощущения, проявляющегося в их воображении и фантазиях. Одной из существенных особенностей проявления в творчестве писателя художественного мира детства выступает автобиографичность, соотнесенность с личным (авторским) видением описываемых событий, с глубоким *сопереживанием* ребенку, что создает для читателя особую атмосферу соучастия.

Автор и ребенок часто представлены в литературном произведении одновременно и как неразделимое чувственное целое, и как особый дуэт – «режиссера» (писателя) и «исполнителя» (ребенка), что ставит перед читателем задачу определения границ художественной реальности. В этом случае рефлексия взрослого, представленная в качестве интуитивно осознаваемой ретроспективы пережитых в детстве чувств, переплетается с художественной репрезентацией чувственного мира детей. Анализ такого взаимодействия позволяет определить наиболее значимые философско-культурологические аспекты самопрезентации мира детства.

Опыт детства сохраняется в памяти, реализуясь в мире фантазий, воображения, в образах мифологизированного мира. Сфера персонализированной уникальности ребенка, испытывающего особые переживания за пределами объективной реальности, определяется в ситуациях отождествления с другими личностями, растениями, животными, предметами, т.е. тем, что принято характеризовать как архетипические и мифологические переживания ребенка. Описание похожего опыта детских лет можно найти в художественных произведениях многих писателей («Детство» Л. Толстого, «Детство» М. Горького, «Жан Кристоф» Р. Роллана, «Автобиографию» В. Бианки, «Дзен в искусстве написания книг» Р. Брэдли и др.).

В центре нашего внимания оказывается картина «счастливого детства», которую мы будем интерпретировать, исходя из персонального опыта различных авторов (как отечественных, так и зарубежных). В качестве репрезентативного материала мы использовали фрагменты произведений мировой художественной литературы, которые позволяют убедительно продемонстрировать уникальность мира детства и его значимость в судьбе человека. Эта «тайна», хранимая детьми, является «раем души», «райскими кущами детства», в которых находит умиротворение взрослый человек...

Рассмотрим выделенные нами три типа представлений, связанных с парадизом мира детства.

Парадиз как сфера связи детей с идеальным миром природы. Сфера связи детей с *внешним* миром, интерпретируемым как идеальный мир природы, содержит основной *консонанс* – гармоничное сочетание душевных инсайтов (интуитивных озарений, способствующих последующим эмоциональным и поведенческим реакциям) ребенка: открытие природы как дружественного союзника; открытие собственного внутреннего

мира – «Я» – самости; открытие сакрального мира инореальности на уровне интуиции, которые в совокупности позволяют почувствовать себя в состоянии счастья и благодати.

Природная среда предстает перед детьми в виде неизведанного мира, полного находок и открытий, вызывающих любованье и восхищение, мира, населенного разнообразными живыми существами, которые привлекают ребенка и завораживают его взор. Недалеко «ушедший» от природы, он нуждается в ней, как в естественном и необъятном объекте и субъекте познания: «Я поймал его (жука. – Т. Д.) прямо на дороге и положил его себе на ладонь, ножками кверху. А он вдруг как щёлкнет головой, подскочил и упал обратно мне на ладошку – прямо на ноги! – и быстро пополз. Я, конечно, сейчас же показал брату замечательного жука, но брат сказал: “Глупости! Только мучаешь жука”. Он всегда так: прибежишь к нему со своей радостью, а он тебе в ответ что-нибудь скучное-прескучное» [6, с. 211]. В этом эпизоде изображаются два мальчика, имеющих разные мнения относительно природы: у младшего природа вызывает искреннее восхищение, а у старшего, уже отрешившегося от непосредственности детского восприятия, она уже не вызывает удивления и восхищения.

Восторгаясь явлениями природы, дети стремятся слиться с ней воедино и нередко недоумевают, почему это не получается: «Прошел небольшой дождик. Над степью повисла радуга. Она была совсем близко – по ту сторону холма. Я пытаюсь подбежать к этому чуду ближе и потрогать руками. Но оно все отдаляется и отдаляется, как будто нарочно убегает от меня» [24, с. 10].

Способность чувствовать и понимать природу – особое качество сознания детей, свободных от ограничений и фобий, недоверия и подозрительности (часто присущих взрослым): «Лотарий поднял глаза кверху, где ослепительным блеском сиял над ним безоблачный голубой свод с своим вечным светилом. <...> Сердце у Лотария сильно забилося: облачко сделалось уж как бы ему знакомым... ему показалось теперь, что видит в нем прекрасный женский образ: распущенные волосы, струящаяся одежда...» [3, с. 224-227]. Воображение ребенка умеет «дорисовывать» образы, раскрывая чувственные струны души, извлекая из глубин подсознания неоформленные желания и мечты.

Дети выбирают природу в собеседники, полагаясь на ее отзывчивость и понимание, видя в ней одухотворенную жизнь: «Полевые вьюнки... самые умные и веселые цветы. Лучшие всех встречают они утром солнце. Другие травы ничего не понимают – что утро, что вечер, им все равно. А вьюнки, только пригреют лучи, открывают глаза, смеются. Сначала один глаз, потом второй, и потом один за другим распускаются на вьюнках все закрутки цветов» [2, с. 8]. Природа разговаривает с ребенком своим языком, принимаемым не разумом, а чувствам.

Природа как место уединения ребенка часто изображается в произведениях китайского детского писателя Цао Вэньсюаня, в которых описываются не рефлексивные переживания детей, а существование в их сознании полноценного парадиза в образе природы. Дети замечают в ней то, на что перестали обращать внимание взрослые, воспринимая окружающий мир как наполненный жизнью и движением: «Там, на воде, как будто дорожка из золота. Кажется, что плывет шелковая лента... Это в воде или в воздухе?.. Но ведь плывет же, действительно, плывет...» [29, с. 64].

Ребенок обладает спонтанным воображением, т.е. может создавать в рамках своей картины мира различные образы, которые можно охарактеризовать как объекты любования: «Слива была вся в цветку. <...> Колин прищурил глаза, и ему вдруг показалось, будто это совсем и не дерево, а балдахин какого-то сказочного короля. Лазурное небо, просвечивающее точками сквозь листву, представилось мальчику голубыми глазами существ, населяющих это волшебное королевство» [5, с. 70].

Процессы, происходящие в душе ребенка, сопровождаются телесным ощущением блаженства, умиротворением и «растворением» в окружающем пространстве. Описания похожих переживаний имеются не только в литературных произведениях, но и представлены непосредственно самими детьми. Приведем комментарий, который сделала к своему рисунку «Мир радости» Алла А.: «Радость – это счастье и красота. В мире рождается счастье, мир и согласие. В рисунке радость рождается от соединения двух деревьев. Когда весна приходит, то приходит и радость» (надпись на рисунке, представленном на выставке детского творчества. Киев. 04.05.1999).

Парадиз как сфера внутренних ощущений ребенка, ментальной направленности сознания на самого себя. Ментальность определяется особенностями мировосприятия – образом мыслей, умонастроением, духовной деятельностью и системой ценностей. Чувства, эмоции, импульсы оказываются лишь начальной ступенью постижения ребенком окружающего мира и себя в нем. В качестве формы коллективного сознания ментальность определяется принадлежностью индивида к определенному социуму и времени, что выражается через обычаи, традиции и верования.

Детские ощущения «личного парадиза» как интуитивного открытия отразились в художественной литературе в качестве ментального пространства, ограждающего детей от мира других людей. Героиня рассказа Ф. Достоевского «Неточка Незванова» так описывает свое восприятие мира: «Я уже не могла довольствоваться одними внешними впечатлениями. Я начала думать, рассуждать, наблюдать; но это наблюдение произошло так неестественно рано, что воображение мое не могло не переделывать всего по-своему, и я вдруг очутилась в каком-то особенном мире. Все вокруг меня стало походило на ту волшебную сказку, которую часто рассказывал мне отец...» [10, с. 24]. Находясь в реальном мире, ребенок тяготеет к «другому» миру, который должен быть лучше, поскольку в нем царят справедливость и счастье, а если и случаются какие-либо неприятности, то в конечном итоге в его сознании добро всегда побеждает.

Магнетизмом для детей могут служить также речь, слово, которые заключают для них особый смысл: «В раннем детстве, когда мне еще не было года, слова казались мне сладким чудесным напитком. Я его пила, и все становилось на свои места: сумбурные мысли и ощущения получали имена. Родители разговаривали со мной

обо всем – и ни о чем, по слогам и скороговоркой. Папа пел, мама шептала на ухо что-то ласковое» [11, с. 7]. Ретроспектива чувств автора возвращает память к моменту предсознания, наполненному звуками любви. И это позволяет нам говорить о проявлении «личного парадиза» ребенка уже с первых лет его жизни.

В системе ценностей детей одним из маркеров принадлежности к детской субкультуре является наличие некой «тайны» – сладостного и одновременно тревожного чувства «обладания» тем, чего нет у других, – персонального «секрета», особого «скрытого» мира, тщательно скрываемого от окружающих. В качестве таких «таинственных мест» выступают замки и дворцы, часто изображаемые в художественной литературе: *«Я перескажу тебе твой любимый сон... сказочный замок, большой и мрачный, но совсем не страшный, а очень красивый. <...> Ты идешь к замку, травы и цветы разбегаются волнами от ветра, как безбрежное прекрасное море. Замок не отбрасывает тени, но внутри – полумрак и прохлада. И полно приведений – тоже совсем не страшных. Они грустные... <...> Приведения рассказывают удивительные истории, сопровождая тебя в блужданиях по замку»* [4].

Подробный «путеводитель» по заброшенному дворцу изображается и в рассказе индийского писателя С. П. Агарвала «Пятеро бесстрашных», в котором описываются приключения ребят, решивших создать особую «Страну Детей», где им будет хорошо и весело, и исследующих таинственные комнаты заброшенного дворца: *«Как здесь здорово! <...> Ни родителей, ни учителей. Красота!»* [1, с. 4]. Дети, воспринимая мир чувственно, «видят» таинство жизни «сердцем»: открыв вход в «другую» реальность они могут узнать скрытую за ней «тайну»: наверное, именно поэтому для них столь привлекательными оказываются закрытые двери, открывать которые им запрещают взрослые («Золотой ключик, или Приключения Буратино» А. Толстого, «Таинственный сад» Ф. Бернета, «Повелитель волшебных ключей» С. Прокофьевой).

В автобиографической мемуарной литературе имеется множество примеров существования в мире детей тайн. Эти примеры чаще всего связаны с «иной» действительностью, передают «взгляд извне», со стороны, показывают, как выглядит мир, в котором «меня нет»: *«В детстве я необычайно остро переживал чувство тайны и был постоянно готов удивляться необычному»; «...я любил забираться в шкаф. Извне он был обычен... Я закрывал изнутри дверцы, оказываясь в тайном месте, как бы исключенным из мира. Комната, видимая лишь в щелку, была пуста, но все же оставалась моим пространством, покинутым мною на время, но терпеливо меня ожидающим, с готовностью ждать вечно. В шкафу являлось дивное чувство своего несуществования, отсутствия в мире, причем с возможностью поглядеть, каков мир без меня. Жизнь в платяном шкафу была желанна. Время становилось не временем движений, ощущений и событий, а чистейшим временем мысли и ни к чему не привязанного чувства. Я не тревожил мир, и он ничем меня не тревожил»* [8, с. 95, 109]. В восприятии детей время останавливается или вообще исчезает, позволяя им войти в «другой» мир и по собственному желанию выйти из него.

Парадиз как способность детей находить или создавать свое особое «личное пространство» – «иную реальность». «Дверь в иной мир» – вход в тайные места («храм»), в которых ребенок отрешается от окружающего мира, обретает личное пространство, где находит вдохновение; растворяясь в своем мире, он принимает себя таким, каким является в своей истинной природе – любящим всех и себя. Это место силы и поддержки, восприятия жизни – без всяких условностей и норм, «вход в грядущее благо» и утешение от невыносимых жизненных невзгод.

«Тайный притвор» – дверь – служит способом перемещения из одного мира в другой, и такой переход дети осуществляют легко. Эти сюжеты заимствованы из детских фантазий, которые пересказали писатели, чутко понимающие мир детства. «Другой мир» представляет собой инореальность, в которой детей ждут приключения и где жизнь нередко оказывается значительно интереснее, чем в действительности.

Другое понимание «вхождения в иной мир» может основываться на представлении детей о бессмертии, о «неумираемости» человека, которое характерно для детей дошкольного возраста, т.е. до момента первого опыта встречи с уходом из жизни близкого человека. Вера в бесконечность жизни позволяет детям «увидеть» в своем сознании некое место, в котором всегда царят радость и счастье, а люди не стареют. В этой связи можно вспомнить «Сказку о потерянном времени» Е. Шварца, в которой описывается, как мальчик Петя находит в лесу небольшой домик и, зайдя в него, попадает в иное временное пространство, где стрелки часов двигаются в противоположном направлении, возвращая волшебникам-старикам молодость [31].

В произведениях художественной литературы для детей (как и в фольклорных волшебных сказках) тема «двери в иной мир» встречается часто. Как правило, во всех произведениях подчеркивается, что пройти через эту дверь могут только дети, потому что взрослые, когда-то побывавшие там, уже потеряли возможность попасть туда. Самое известное произведение, описывающее ситуацию входа в «другой мир», соотношенный со счастьем и весельем, – сказка А. Толстого о Буратино, который открывает потайную дверь, имея «золотой ключик». С аналогичной ситуацией сталкивается героиня повести американского писателя Ф. Бернета «Таинственный сад» Мэри Леннокс, которая находит в земле ключ от Таинственного сада: *«Она не сомневалась: сад, в который десять лет не входил ни один человек, таит какое-то чудо. А еще, отыскав этот сад, Мэри завоюет собственный мир. <...> Значит, достаточно войти туда, затворить за собой дверь, и Мэри никто не найдет. А она, спрятавшись ото всех, будет играть как хочет и во что хочет»* [5, с. 21].

В литературных произведениях описываются и другие способы попадания детей в «другой мир», которые представлены вариантами изображения той же «двери» – «волшебных колец», «поездки на поезде», которыми воспользовались герои «Хроник Нарнии» [15, с. 15]; Гарри Поттер оказывается на авеню волшебного города, в который он проникает через кирпичную арку, а для того, чтобы попасть на платформу железнодорожного вокзала, откуда уходит поезд в школу магов, он проходит через столб на перроне [22, с. 22]; Л. Кэрролл отправляет Алису в норку Белого Кролика, превратившуюся в глубокий колодец [12, с. 5]; аналогичная ситуация происходит с девочками из сказки братьев Гримм «Метелица».

В рассказах писателей детям удается осуществить свои мечты о другом мире: «А я рисую *Остров Мечты*. <...> Сначала я смотрю во-о-он на ту белую-пребелую дверь и думаю, что за ней спрятаны мечты. А потом я ее разукрашиваю, и она из невидимой становится видимой. Дальше я ее открываю, только медленно, чтобы все мечты разом не вываливались мне на голову. А потом выбираю самую красивую мечту и... попадаю на *Остров Мечты*» [23].

В литературе представлены разнообразные варианты способности детей «входить» или «погружаться» в другой мир. В своих «Воспоминаниях» Л. Толстой описывает один из значимых для него эпизодов детства, когда старший брат делится с младшими братьями тайной, связанной с миром, где «все люди сделаются счастливыми, не будет ни болезней, никаких неприятностей, никто ни на кого не будет сердиться и все будут любить друг друга, все сделаются муравьиными братьями... эта тайна была... написана им на зеленой палочке, и палочка эта зарыта у дороги, на краю оврага...» [27, с. 465-466].

Одним из важнейших способов вхождения детей в другой мир является искусство – литература, музыка, танец. Вот как характеризует роль искусства в своей жизни Г. Сильницкий: «Помню, с каким опасением я открыл первую страницу и был приятно удивлен тем, что моих скудных знаний английского языка оказалось достаточно, чтобы создавать в своем воображении визуальную картину (“как в кино”) прочитанного... <...> Меня поразила мысль, что здесь я имею при себе возможность безо всяких вспомогательных материальных средств “прокручивать” в своем мысленном восприятии бесконечное множество историй. <...> Таков был первый шаг моего вступления в волшебный мир вымысла...» [24, с. 17].

Детям трудно удержаться от того, чтобы не поделиться своим счастьем с другим ребенком, которому доверяют, приоткрывая тайну своего «личного парадиза» – даже если он только нарисован на стене заброшенного храма: «Внезапно взволнованная Мэй Вэнь словно увидела мир Симиными глазами; шумный и живой, этот мир прошел через фильтр детской души и наполнился детской радостью, приобрел по-детски наивные и очаровательные черты... Девушке показалось, что перед ней вдруг открылась дверь в неведомый мир, настолько завораживающим было зрелище...» [28, с. 54, 56].

Экзистенциальное стремление детей к другой реальности экспрессивно выражено в документальном романе Е. Макаровой «Фридл», в котором описываются занятия с детьми художницы Фридл Дикер-Брандейовой в фашистском гетто: «Эва Хэска – Эва Прекрасная, нарисовала райское дерево, все яблочки расположила по периметру кроны и подписала – “запретные фрукты”. <...> ...ее рай – кудрявый львенок... аисты, несущие в клювах детей, цирк... <...>...детский рай...» [16, с. 54]. Изможденные страхом и голодом дети в своих рисунках создавали мир, в котором они заново переживали счастливые минуты прошлого и осуществляли личные мечты. Находясь в состоянии предельной психологической травмы, дети оказались способны творить иной мир, в котором они находили спасение от реальных угроз.

Заключение

Существование парадиза как особого феномена мира детства и выделенные сферы его проявления («Природа», «Ментальность», «Дверь в иной мир») подтверждаются фактами из повседневной жизни детей, а также примерами из литературно-художественных источников. Анализируя творчество писателей, посвятивших свои произведения теме детства, мы убеждаемся в том, что у талантливого художника в автобиографических воспоминаниях, художественной литературе (для детей и о детях) происходит обращение к детству как исходя из личного опыта, так и через сопричастность своим героям, в совокупности создавая реалистичный мир детства, воспринимаемый в качестве «документально стенографируемого».

Исследование парадиза мира детства позволило прийти к следующим выводам:

- конструирование мира детства с помощью анализа и описания форм самопрезентации детства, включая «Архитектонику», «Инсталляцию», «Перфоманс» и «Парадиз», позволяет увидеть структурное многообразие анализируемого явления, определить его смыслополагающие элементы, что помогает понять прогностическую предзнаменность мира детства в процессе культурогенеза;
- введение термина «парадиз мира детства» углубляет возможности-исследования глубинных аксиологических и экзистенциальных аспектов личности ребенка;
- парадиз мира детства, рассматриваемый как специфическая характеристика детства, наполнен чувственным, эмоциональным содержанием; он не имеет ни идеологической, ни религиозной составляющей и может быть соотнесен с мифологическим контекстом детской субкультуры, что способствует воспроизводимости этого явления в социокультурном континууме и культурогенезе.

Перспективу дальнейших исследований мира детства мы видим в создании его целостного описания на основе метадисциплинарного подхода с целью раскрытия этого феномена как закономерного этапа культурогенеза.

Список источников

1. Агарвал С. П. Пятеро бесстрашных. Робинзоны из Бомбея: повести и рассказы писателей Индии / сост. и предисл. В. А. Чернышева; рис. А. Власовой. М.: Детская литература, 1984. 240 с.
2. Айтматов Ч. Белый пароход // Айтматов Ч. Собрание сочинений: в 3-х т. М.: Молодая гвардия, 1983. Т. 2. Повести. Роман. С. 5-114.

3. Аксаков К. С. Облако: фантаст. повесть // Русская фантастическая проза XIX - начала XX века / сост., послесл. и примеч. Ю. М. Медведева. М.: Правда, 1986. С. 224-237.
4. Акунин Б. Детская книга для девочек [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=151405&p=1> (дата обращения: 07.05.2020).
5. Бернет Ф. Таинственный сад. М.: Планета детства; Астрель; АСТ, 2000. 235 с.
6. Бианки В. Отрывки из автобиографии // Бианки В. Собрание сочинений: в 4-х т. Л.: Детская литература, 1976. Т. 4. Очерки, рассказы, статьи, дневники, письма. С. 207-215.
7. Брокгауз Ф. А. Энциклопедический словарь / под ред. проф. И. Е. Андреевского. СПб.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1897. Т. 22а. 501 с.
8. Давыдов А. Ключик: учебник географии по моему детству // Дружба народов. 2000. № 3. С. 95-116.
9. Детский мир: рассказы / сост. Д. Быков, А. Портнов. М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2015. 413 с.
10. Достоевский Ф. М. Нечеткая Незванова. История одной женщины. München - М.: Im Werden Verlag, 2008. 159 с.
11. Дрейпер Ш. Привет, давай поговорим / пер. с англ. О. Москаленко. М.: Розовый жираф, 2012. 288 с.
12. Кэрролл Л. Приключение Алисы в Стране Чудес: сказка, рассказанная Б. Заходером: сказоч. повести / пер. с англ. М.: Дет. лит., 1995. 510 с.
13. Ладыгин М. Б., Ладыгина О. М. Краткий мифологический словарь. М.: Полярная звезда, 2003. 223 с.
14. Лелеков Л. А. Парадиз. Мифы народов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.peoplesmyths.com/p/paradiz.html> (дата обращения: 02.12.2020).
15. Льюис К. С. Последняя битва. М.: Вариант, 1992. 508 с.
16. Макарова Е. Фридл: документальный роман // Дружба народов. 2000. № 9. С. 6-70.
17. Монтень М. Опыты: в 3-х кн. М.: Голос, 1992. Кн. 1. О воспитании детей. 454 с.
18. Мураками Х. Слушай песню ветра; Пинбол 1973 / пер. с яп. В. Смоленского. М.: Эксмо, 2019. 352 с.
19. Попкова Т. Д. Архитектоника мира детства // Манускрипт. 2020. Т. 13. Вып. 9. С. 144-149.
20. Попкова Т. Д. Философская инсталляция детства // European Social Science Journal. 2014. № 4 (43). Т. 1. С. 40-56.
21. Попкова Т. Д. Философско-литературный перформанс детства // European Social Science Journal. 2014. № 6. Т. 2. С. 29-47.
22. Роулинг Дж. К. Гарри Поттер и философский камень: роман / пер. с англ. М.: Росмэн-Пресс, 2010. 400 с.
23. Семина И. Волшебные сказки, возвращающие здоровье. Дверь на Остров Мечты [Электронный ресурс]. URL: https://mir-knig.com/read_372819-1 (дата обращения: 02.01.2021).
24. Сильницкий Г. Г. Освоение прошлого / под ред. А. В. Пустовалова. Пермь: Перм. гос. нац. ун-т, 2016. 129 с.
25. Сокпакбаев Б. Путешествие в детство: повесть / пер. с казах. М. Балькина. М.: Детская литература, 1989. 190 с.
26. Толковый словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М.: ТЕРРА - Книжный клуб, 2007. Т. 4. 752 с.
27. Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 20-ти т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1964. Т. 14. Повести и рассказы. 1903-1910. 559 с.
28. Цао Ваньсюань. Сими / пер. с кит. Д. Сицко. М.: Шанс, 2016. 304 с.
29. Цао Вэньсюань. Бронза и подсолнух / пер. с кит. А. Жмак. М.: Шанс, 2016. 295 с.
30. Чудинов А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка (1910) [Электронный ресурс]. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-chudinov/index.htm> (дата обращения: 02.12.2020).
31. Шварц Е. Л. Сказка о потерянном времени. Петрозаводск: Карелия, 1975. 14 с.

Информация об авторах | Author information

Попкова Татьяна Дмитриевна¹, к. филос. н., доц.

¹ Шаньдунский женский университет, г. Цзинань (Китайская Народная Республика)

Popkova Tatyana Dmitrievna¹, PhD

¹ Shandong Women's University, Jinan, China

¹ tatyana3@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 12.01.2021; опубликовано (published): 15.03.2021.

Ключевые слова (keywords): мир детства; парадиз; способ конструирования; самопрезентация; художественная литература; childhood world; paradise; constructive means; self-presentation; fiction.